

Проблема образования в вузе и школе

А.Ю. Сорочан

ВЫСШЕЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИДЕЙ

В России XX века, особенно в годы советской власти, очевидной оказалась связь образовательной политики с текущим историческим моментом (впрочем, подобные связи можно обнаружить и на всех иных этапах у всех народов). И потому исследования по истории высшего образования приобрели отчетливый социальный смысл. В последние годы это привело к публикации целого ряда материалов и исследований, посвященных судьбам тех или иных наук в прошлом столетии. Однако все эти публикации рассматривают образование столичное и опираются на архивы московских и петербургских вузов и исследователей¹. Высшее образование в провинции привлекает значительно меньшее внимание. До сих пор нет целостного описания эволюции региональной образовательной политики, особенно ярко проявляющейся в сфере гуманитарного образования. Рассмотреть эту эволюцию филологической науки, сведя воедино два продуктивных направления: социальное исследование образования и изучение русской провинции – такова актуальная задача исследователя

Несомненно, данная проблема затрагивает один из важнейших аспектов социальной истории идей, рассмотрением которой занимаются многие исследователи. В этом междисциплинарном поле определяются две координатных оси: «история идей» и «история интеллектуалов»². Естественно, предполагается параллельная эволюция общеметодологических, педагогических и собственно научных идей. Однако применительно к провинциальному образованию идеологический континуум выстраивался до сих пор по оси – «мейнстрим / маргинальность»³. И на фоне противостояния «московских» и

¹ См., например: Алпатов В.М. Москва лингвистическая. М., 2001; Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925 гг.). Л., 1984; Робинсон М.А., Сазонова Л.И. О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы // ТОДРЛ. СПб, 1993; Т. XLVIII и др.

² См.: Козлов С. История идей / история интеллектуалов // Новое литературное обозрение. № 31. 1998.

³ Строганов М.В. Провинциализм и смежные категории // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию профессора Г.В. Краснова. Коломна, 2001.

«ленинградских» научных школ и институтов образование «провинциальное» не получает должной репрезентации, несмотря на (хотя бы) количественный приоритет нестоличных вузов. Молчаливо предполагается, что там должны «подстраиваться под столицу» и столичные веяния, заимствовать как идеи, так и модели поведения интеллектуалов¹.

Однако периферийные² структуры занимают свою, особую нишу в рассматриваемых социальной историей взаимоотношениях идей. Университетское образование в провинции, несомненно, противопоставлено «академической» науке: «Университетская среда ориентирована на воспроизводство и передачу накопленного знания, с характерным рессентиментом в отношении первой и <...> наличием альтернативных фигур административно маргинализованных, но популярных и “продвинутых” преподавателей»³. Классификация персоналий, как видим, оказывается не последним звеном в освоении провинциальных образовательных технологий. Однако их историческое описание с использованием наиболее репрезентативных примеров – пока еще только актуальная задача.

Судьба тверской высшей школы репрезентирует с достаточной полнотой судьбу вузовской филологии (да и всех гуманитарных наук) в провинциальной России. Смена названий, смена социального состава преподавателей и студентов, смена научных ориентиров и интересов на одном типичном гуманитарном факультете – все это создает представление о развитии векторов системы высшего образования как целого. И история Тверского (Калининского) госуниверситета дает возможность описать закономерности судьбы идей и судьбу интеллектуалов в особом «образовательном» пространстве.

Это подтверждается рядом уже проделанных исследований провинциальной филологической науки, которые в Тверском государственном университете ведутся сравнительно давно. Тверские ученые, профессора кафедры истории русской литературы Е.Н. Строганова и М.В. Строганов принимали участие в проекте «Наука Тверского края. Вып. 1: Филология» (Тверь, 1994), а также в проекте журнала «Новое литературное обозрение» «История науки о литературе»⁴. Но главным

¹ См., например: Алпатов В.М. Филологи и революция // Новое литературное обозрение. № 53, 2002. С. 199-216.

² Об осознании и академическом словарном описании понятий провинция и периферия см.: Ахапкина Я.Э. Провинция, периферия – проблема номинации // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001.

³ Дмитриев А., Устинов Д. «Академизм» как проблема отечественного литературоведения // Новое литературное обозрение. № 53, 2002. С. 232.

⁴ Ермаков И.Д. Психологический анализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М., 1999. (подготовка текста и примечания).

трудов тверских исследователей (помимо названных выше в рабочую группу входили И.Е. Иванова, Т.А. Ильина и А.Ю. Сорочан) стало не имеющее аналогов в России издание «Лица филологов. Из истории кафедры литературы. 1919–1986» (Тверь, 1998). В отличие от историко-фактографического издания «Наука Тверского края», книга «Лица филологов» ставила совершенно иные задачи. Важнейшей задачей ее стало не столько описание или «агиография», сколько аксиология гуманитарного образования в провинции (при всем том, что сами авторы не стремились наглядно репрезентировать свою точку зрения).

Изучение и преподавание словесности оказывается в самом центре идеологических споров конкретного времени. На первый план в работе ученых выходят требования текущего момента, насаждаемые государством. Утверждаемые таким образом ценности вряд ли могли выдержать проверку временем. Но данный факт не должен приводить к забвению и «преодолению» исторического опыта. В педагогической и научной деятельности преподавателей Калининского государственного педагогического института имени М.И. Калинина (с 1971 – Калининский государственный университет, с 1990 – Тверской государственный университет) отразились узловые моменты истории страны. И судьба государства оказалась неразрывно связанной с судьбой науки и отраженной в ней. При таком подходе жизнь одной образовательной структуры (филологического факультета) в провинциальном вузе в высшей степени репрезентативна для изучения истории филологии в стране.

Историко-культурный аспект исследования очень важен. В ходе работы над изданием, объединившим разделы о семи ученых – заведующих кафедрой литературы в указанные годы, открылись многие факты, свидетельствующие, что «провинциальная» филологическая наука была совсем не оторвана от магистрали гуманитарных исследований. На одной только кафедре литературы работали известнейший фольклорист Ю.М. Соколов, исследователь русской сказки и сотрудник журнала «Печать и революция» А.М. Смирнов-Кутаческий, автор классического учебника по методике преподавания литературы В.А. Никольский, зачинатель исследования художественного восприятия Г.Н. Ищук. Их труды получили всероссийскую известность, и механизм сосуществования и взаимодействия «провинциального» и «столичного» начал в филологической науке в исторической перспективе заслуживает обстоятельного анализа.

В рамках проекта «Лица филологов» были опубликованы архивные тексты ученых, их автобиографии, библиографии и целый ряд документов, вводящих судьбы отдельных исследователей в общекультурный контекст. Так, например, раздел об А.М. Смирнове-Кутаческом включает в себя публикацию фрагментов уникального систематического курса фольклора и весьма своеобразных материалов экспедиций военных лет. Раздел о забытом, казалось бы, представителе

«новой профессуры»¹ Н.П. Павлове включает переписку с известными писателями-современниками – К.Г. Паустовским и Б.Н. Полевым². Архивы обоих ученых, описание которых также подготовлено в ходе работы над изданием, содержат огромное количество материалов (в частности, А.М. Смирнов-Кутаческий – автор первой в России – и до сих пор неизданной – монографии о Мельникове-Печерском). Публикации некоторых материалов уже осуществлены³, другие – готовятся к печати⁴. Все вместе они дают комплексный материал для освещения взаимоотношений провинциальной филологической науки и жизни социума в прошлом столетии.

Эти отношения весьма драматичны. Сотрудники Тверского госуниверситета восстановили справедливость в отношении ряда репрессированных в 1930–1940-е гг. исследователей (профессор В.Я. Гнатюк, студент И.П. Фессалоницкий и др.), но этот эмпирический материал заслуживает углубленного, концептуального прочтения.

В самом деле, рассматривая историю провинциального вуза, мы видим, как ученые пытались вырваться из-под внешнего давления. С изменением состояния науки и общества меняются формы этого освобождения. Если в 1920-е – начале 1930-х гг. большинство исследователей отправлялись на поиски наименее регламентированного и связанного с текущим моментом материала⁵ и обнаруживали таковой – в фольклоре (как Соколов, Смирнов-Кутаческий и др.), то во второй половине 1930-х гг. это становится невозможным. У провинциальных ученых появляется другое направление исследований – краеведческое. Усиливаются связи университета с местной печатью, появляется подготовленный преподавателями факультета сборник «Писатели в Тверском крае» (Калинин, 1941), более серьезными становятся архивные изыскания. В послевоенные годы происходит пересечение интересов «академической» и «литературной» групп провинциального сообщества. Ученые КГПИ принимают активное участие в литературном альманахе

¹ См. о формировании этой генерации: Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988.

² Разделы о А.М. Смирнове-Кутаческом и Н.П. Павлове подготовлены А.Ю. Сорочаном совместно с М.В. Строгановым и Т.А. Ильиной.

³ См., например: Смирнов-Кутаческий А.М. О «Войне и мире». Эпический сказ: публикация, вступ. заметка и примечания А.Ю. Сорочана // Война и мир. Тверь, 2002. С. 156–163.

⁴ В 2003 году в серии «Литературные памятники» вышел том «Фольклор Тверского края. 1919–1926: Сборник Ю.М. Соколова и М.И. Рожновой», подготовленный И.Е. Ивановой и М.В. Строгановым.

⁵ В данном случае особенно очевидна несостоятельность классификаций, опирающихся только на «столичный» опыт (Алпатов В.М. Филологи и революция... С. 200–201).

«Родной край»¹, занимаются исследованием творчества тверских поэтов (прежде всего С.Д. Дрожжина)². Частично этот этап отражен в книге «Спиридон Дрожжин. Глазами современников и потомков» (Тверь, 1998). Здесь публикуются (по архивным источникам) воспоминания о поэте-крестьянине, написанные как филологами-профессионалами, так и поэтами-самоучками, делается попытка восстановить историю изучения творчества Дрожжина в XX веке. Дальнейшая история гуманитарной науки в провинции связана с принятием марксистской методологии и апробацией официально одобренных методов на новом и достаточно маргинальном материале – будь то методика преподавания литературы (1970-е) или «читателеведение» (1980-е).

Именно эта смена приоритетов вузовской науки в провинции и должна стать основой композиции монографии, в главах которой следует рассматривать в хронологической последовательности все намеченные этапы развития провинциального филологического образования. Соответственно четыре этапа исследования должны быть посвящены провинциальной вузовской филологии 1920–1930-х гг. (до 1934), 1930–1940-х гг., 1950–1960-х и 1970–1980-х гг.

Несомненно, история магистральных направлений филологического образования в провинции гораздо сложнее. Сводить ее к нескольким, пусть и самым значительным именам – значит существенно упрощать ситуацию. Например, одновременно с исследователем читателеведческой проблематики Г.Н. Ищуком на филологическом факультете Калининского госуниверситета работали ученые иных направлений: специалист по русскому синтаксису Г.П. Уханов, ведущий исследователь романтизма Н.А. Гуляев и др. Соотношение их трудов, «вписанность» подчас противоположных направлений в единую систему социально-идеологической эволюции образования остается проблемой, пусть и вполне разрешимой.

Также для решения поставленной нами задачи необходим учет целого ряда факторов: социального и количественного состава студентов и преподавателей, эволюции методик и образовательных программ, систему аудиторной и внеаудиторной работы. Функционировавший при университете в 1970-е гг. Калининский лингвистический кружок, созданный Р.Р. Гельгардтом, был известен за пределами страны, при этом он был едва ли не единственным тогда в стране независимым научным сообществом по типу Московского и Пражского лингвистических кружков и с сознательной ориентацией на их традиции. А многие преподаватели создавали вокруг себя столь же своеобразные «студенческие кружки», история деятельности которых

¹ Родной край: Литературный альманах. Вып. 1–11. Калинин, 1949–1959.

² Памяти Дрожжина. Калинин, 1951.

сама по себе дает представление о немаловажном аспекте образовательного сообщества.

Весьма существенным источником для построения истории высшего образования в провинции представляются мемуары как преподавателей и студентов, так и лиц, непосредственно в работу вуза не вовлеченных, но наблюдавших процесс с большей или меньшей заинтересованностью. Публикация такого рода текстов существенно расширит наше представление о «внутренней» и «внешней» смене направлений, о соотношении «академизма» и «нонконформизма» в преподавательской и студенческой среде¹.

Тверские исследователи отчетливо осознают неполноту своих опытов. Недаром в 2003 году было издано исправленное и дополненное (в основном за счет «архивных» разделов) издание «Лиц филологов», а в декабре 2002 года на кафедре истории русской литературы проведена конференция «Лица филологов – 2», посвященная тем преподавателям кафедры и направлениям исследовательской работы, которые не получили должного освещения в сборнике. Таким образом, открывается простор для дальнейших исследований в избранном направлении, но для их проведения необходима целостная теоретическая разработка – учебник по истории провинциального образования в XX веке и одновременно опыт приложения методик социальной антропологии к эволюции академической науки. Целесообразно было бы не только осветить отдельные стороны эволюции провинциальной науки (этой цели могут служить публикации рабочих программ, методических материалов, аналитические статьи, посвященные разработке важнейших научных проблем учеными КГПИ / ТвГУ на протяжении XX в.), но и рассмотреть то новое, что было внесено в структуры образовательных технологий всем корпусом тверских преподавателей. Следует заняться публикацией архивных материалов, посвященных взаимоотношению науки и власти (в частности, материалы о деятельности так называвшихся «методологических семинаров», существовавших под руководством и контролем органов партии), а также ряда научных и методических материалов общего плана, дающих представление о векторах эволюции науки в КГПИ / ТвГУ. Исследование, учитывающее опубликованные и неопубликованные материалы, документы из разных архивов Твери, Москвы и Санкт-Петербурга, позволило бы создать не просто историю отдельно взятого факультета и его кафедр,

¹ Публикация таких источников только начата. См.: Воспоминания Л.А. Ильина об А.Н. Вершинском / Публикация и предисловие М.В. Строганова // Русская провинция: миф-текст-реальность. М.; СПб., 2000. С. 449–458. Круглов М.А. Дрожжин в памяти земляков // Спиридон Дрожжин. Глазами современников и потомков. Тверь, 1998. С. 135–151.

но характеристику взаимоотношений образовательной системы и провинциального вуза на протяжении почти целого столетия, наметить пути социально-антропологических исследований в новом дискурсе и определить новые векторы (в равной степени эмпирические и теоретические, исторические и социальные) в изучении образования в России.